

Anne Lepke

МОРСКАЯ ЛЕВА

Ле и Нуць
собирали прибрежные камни,
стРОИЛИ эти отвесные скалы,
втикали мох
в молчаниванные щели
между камнями.

Наш замок
разрушен первой бомбкой.
Русские? немцы? — никто не помнит,
а кто и помнит — молчит.
Наш розовей замок —
ниче руины, один фундамент.
Беседка в китайском стиле.

Черное облако
выливает из-за сосновы.
Кеернинг, Лева морская,
все лето, каждую полночь
меня вызыгала на берег,
тонко свистя,
дуй в игоильное ушко.

Кто же писал, будто губы русалок
такой пахнут?
Запах земляничного поля
сопровождал ее появление,
шопот ее певчий,
что синился в уши:

— Тебе не жить бы на свете, милий.
Все, меня любиши, — ниче
оди в сажах подводных рабами
Ле и Нуць слушат,
моят вехра, в тачках железных
возят живую землю,
саходные носники точат.

— Но твои неприступки и кровь и лимфа,
словно бы сам перегляд бессмертья
в тебе растворен
и притягивает, как луна, —
всё я любом встану, теряю сны, скабез...
Когда, в августе ночи стали паникес —
приходила все река. В сентябре исчезла.

Давно покинул Землянку, поселился
на окраине Ленинграда.
Но каждое полнолуние, в полночь, —
смыку щист и мерцают
тубы, пущенные в когольное ужко,
и земляничкой усыпан хиполеум.

ВСЕГДА С ДРУГОМ РАННЕЙ ВЕСНОЙ

На створках цемковой ширмы
ночи золотого Дракона.
Белые мухи, бумажные зайцы
снуют за ширмой.

Но здесь тепло от беседы.
Медный чайник...
полон вином подогретым.
Приветствуя друга.

Несколько лет не виделись.
— Надолго ли и нам из Восточной столицы?
Не спрашивая о новостях,
о казнях, о перемещеньях по службе...

О делах государства
и, недостойных провинциал,
сущий не смеш.
Иное дело — стихии.

— У вас, — говорит, — свирепые ветры.
Вчера в короте пурга застыгла.
Всегда ли ваша весна так медлит
перед Начальником Года предстать?

— В столице перенесли черезъ
реку уже розами покрылся.
Дым сожжених жертвенных телог
свои цветущую ветку сливи.

— А у вас в уезде и парод какой-то
задоренный, попотать напотом;
езды с инспекцией по деревням —
разбегаются, завидя чиновничью избушку.

— Край суровый, — кивал, — но разве
зимний не разуется воде?
Разве гуманный провинции всего не ставит
горы в туман?

— Разве можно холодное с теплым, разве
мы не рискнем вызвать Большую скуту?
извергнуть Небесную Музинку? — это халое мненье
нашего ничтожного друга.

— Дуче скажите... /и в напольных чашах
теплым виною, потребно хлонку в лакомы
довлеется промасленная бумага
на вго-западных окнах,
ленивая змеяка
в руках халата скользнула,
обвились вокруг шеи,
фукинула на светильник/

В темноте ухабясь. Легко и пусто. И слышу
тихий смех моего гостя:

— Дуче скажите, — смеется, —
не хотели бы вернуться в столицу?

КНИГОТОРГОВЕЦ ОПРАВДЫВАЕТСЯ

Правоках хояши печатни,
книги моя привез.
Где — говорю — ловчанцарь
вилов горы Судань?
Где стихи о превращении лисах?

— Ночевший!.. а сам скучники,
в глаза не смотрят, бормочут:
— Дочечный, доски испорчены.
Видно, бездельник-резчик
связался с лисом. Торчат
целыми лапами поза,
ее покидает; лисенку...
Дал ему слезку копот:
Ланко парни — хукнут
на разах: Отправляем в лавку!
Рису куши и немного маду.
— Не могу — отвечает — ноги
не держат. В мирк на дверь.
Соседи ввали: как-то
стучится к наму такая
красавица, что страшно
и белок посмотреть.
Всюка. И до утра оттуда
смех, завыванье, новогодние,
крыса прыгает как змея,
запах налесной пероти —
по всему кварталу. Гнать
ничем. Годи — советую — в ноги!
Только вздыхает: вам бы
такую у ноголовья.
Руки трясутся — доски
вали да испортили.

ВСЕГДА С ДРУГИМ О ПРИРОДЕ МЫ-ЭИ
Содержательную природу пустот —
белой и черной —
без толку пытаешь пересказать
ученому другу.

— Ты, Арио, или совсем свихнулся,
или нарочно голову мне морочишь.
В Тарту, помнишь, на тому учил
в худшие наши годы.

Ах Тарту! от ночных фазельных пастей
до сих пор огоньки не вспыхнули
до сих пор пахнут беланами руки,
догорает латинская песня в небе.

— А ты, Арио, как яблоко высок,
обезволосое, желтый, хукой, как паки.
Несешь сколесину — противно слушать
образованному человеку.

— Говоришь, лисьи хвости у будаковых котов?
Тулумные лица катаются в браке дракона?
Съездил бы в Курорт, срекоз
балхам ручным отвез бы...

Ии, зетенщи, мерц синевой.
И ты, Арио, почти в Европе родился,
а разговариваешь, будто вироэ
на дальнем Бостоне, среди бурятов.

— Кудо нас. Каждый каждый
всобразит себя японцем, индусом,
негром или еще там ком-то —
все окончательно обрусели.

— Досмотря на себя — сочинишь на по-естонские,
будто новый Набоков или Лосиф Бродский
порошки растворяться в болоте
окружающей варварской речи.

Молча слушай, не перебивай:
говори, говори, голубчик, если не сдвинь
горного рева над водопадом
моих извескованных мыслей.

Начальство увлекает

Улица Йары, 1.

Хотя и по-русски думу,
но в некотором роде
шест не хуже других.
Поднимайся к начальству.

Ариэль — учибаются мне секретарша...
Новый халат наряд и широкий пояс,
из полс — целая панорама
горной страны: вспышки, ласкливые склоны,
рыбак в лодке, лиса у заброшенной фермы.

Из-под лесной подмышки выскакивает волчок.

Справа за спину убегает
горстка разбойников. Утро. Горы в тумане.

— Ариэль, вы спознали. Начальник
раз двадцать высекивал из кабинета:
“Сарта не позывалось? Назначи
ему на пять. Ждется как всегда
и вечеру. Неудачные и старые!
Хватит.. Не буду ждать!”

— И не дождался? — Что вы, конечно, ждёте.

Дверь, оббитую какой
прототипом. Из полуутюни навстречу
тромочут босые колесники,
ржанье коней изжаренных,
тонет аккордога.

“Да имей вы паспорт со столичной пропиской —
за такое неуважение к начальству
хорошо еще, если всыпят налог
десяток-другой по пятакам,
а то — кангу на час — и рабочим на стройку!

Знаете, что ирланды у нас помягче,
все-таки живем поближе к Европе —
знаете и в ус не дуете, сните,

когда круглое спекат на службу, —
и, например; и солдатой, и старое,
а встав с рассветом, иду в контору,
боясь выйти из кабинета,
пока не стемнеет...

Быстри, вела последняя книга
вызвала изверху недовольство.

На Восточной столице пишут:
Арио Чарту указать на ошибки;
доцраивает португальцам и голландцам,
древними образцами преобразует,
держится чрезвычайно свободно.

Видеть. Неторопить. Рассеять
вредные задумки —
и душкой с лисах больно не пинет;
но до чудес нечестив. В провинции тоже.
Народ худеет. Ставите неустойчив.

Неслыханно небылиц о неземной книжке,
рассказней о первобытных превращениях —
захочется неизвестно чего.

Был халупок пуст —
наполнился ум золотьими.

Арио Чарту привыкается особо
запутаться над прирокой халаний.
Лучше, если в горах поселятся,
за льдой форах пустоту созерцан
моря, достужного чувствам.

Простили, Арио! Встречали ли слова?
/чуть не плачет, рукавом лицо отирает/
Вы — человек талантливый, опустеет
кавенский ком на улице Гарье
без вашего пояса — живой широты и красоты."

ПЕСЬМО ВА СОНКИ

Моему Бродскому, родному
братью моему по музам и по
судьбам.

В горы ссыпали. Да какие в Зетонии горы!
Озеро. Странная Эльза. Айну за холмом.
Две гранитные маски у входа в однотакий дом:
Талли и Мальпенеку оставили таллинские актери-
мы в плачегласие, а сами у кирхи лежат,
ровные, тихие, руки вытянуты вдоль тела.
Как-то легко отдохни. Утром. Когда висала
осенняя луна над озером. Блекло-туманный взгляд
сопровождает мои прогулки в редком лесу.
На осиротевшие листья норы
избрекают. Вчера увидел лису —
ленив, золотастая, на сосновых краях...
Нохому блаже — чучело. Отправляя вечером в город
новое стихотворение лисьего цикла.
